

О.А. СОЛОПОВА, А.П. ЧУДИНОВ*

**ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГНОСТИКА:
ЧТО ГОВОРЯТ МЕТАФОРЫ ПРОШЛОГО
О БУДУЩЕМ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ США
И ВЕЛИКОБРИТАНИИ XIX в.)¹**

Аннотация. В статье представлен фрагмент исследования ретроспективных моделей будущего России, выполненного в рамках лингвополитической прогностики. Данное направление изучает модели и сценарии будущего, материалом для конструирования которых служат прогностические тексты различных хронологических срезов. Ключевой единицей познания является когнитивная метафора. Материалом для анализа в настоящей статье послужили прогностические тексты американского и британского политических дискурсов XIX в. (1855–1881).

Ключевые слова: лингвополитическая прогностика; политический дискурс; прогностический политический текст; метафора.

* **Солопова Ольга Александровна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия), e-mail: solopovolga@yandex.ru.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры риторики, межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного ФГБОУ ВО Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия), e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Solopova Olga, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia), solopovolga@yandex.ru.

Chudinov Anatoly, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

O.A. Solopova, A.P. Chudinov
Linguistic political prognostics: What metaphors of the past tell us about Russia's future (based on the analysis of American and British political discourses of the XIXth century)

Abstract. The paper presents a piece of the authors' approach to studying retrospective models of Russia's future with the help of methods and tools of linguistic political prognostics. Linguistic political prognostics studies models and scenarios of future based upon exploratory forecasts made by authors of political texts. The central tool in any model and scenario is a cognitive metaphor. The material for the analysis is American and British political discourses of the XIXth century (1855–1881).

Keywords: linguistic political prognostics; political discourse; prognosticating political text; metaphor.

Изучение политического дискурса привлекает к себе внимание многих исследователей, поскольку этот тип институционального общения затрагивает интересы всего населения, характеризуется жанровым разнообразием и активно проникает в другие типы дискурса: политическая жизнь стран, партий, государственных деятелей, отношение к ним граждан составляют чрезвычайно насыщенную область межличностных и институциональных коммуникаций. Особую часть в этом дискурсивном поле образует политический дискурс государств, ревностно относящихся друг к другу и проходящих разные стадии взаимоотношений (от геополитического партнерства до явного противостояния). В системе подобных отношений всегда присутствуют образы «своего» и «чужого», прошлого, настоящего и будущего вероятных и реальных соперников и союзников. Такие образы идеологизированы, отражают официальные политические представления государств, актуальные для определенного периода времени, активно транслируются в когнитивных форматах массмедиа. В их презентации значительное место отводится концептуализации будущего стран – участниц международной жизни, что обуславливает актуальность лингвополитической прогностики как нового направления в исследовании политического дискурса.

Лингвополитическая прогностика представляет собой междисциплинарное направление, которое интегрирует идеи и положения когнитивной лингвистики, прогностики, политологии, лингвополитологии и метафорологии [Chudinov, Solopova, 2015].

Поскольку моделирование будущего государства является сложным объектом, при его исследовании могут и должны применяться различные методы, конкретизированные и модифицированные с учетом специфики предмета исследования, особенностей когнитивного конструирования социальной ситуации будущего в политическом дискурсе и цели познания. Целью исследования в рамках лингвополитической прогностики является изучение моделей будущего России, порожденных как во внутренних разнонаправленных дискурсах, так и во внешних дискурсах политических партнеров-противников в ракурсах внутридискурсивного и междискурсивного сопоставления с привлечением материала различных хронологических срезов.

Разработанная трехуровневая методика лингвополитического исследования включает сопоставление синхронных и диахронных моделей, каждая из которых состоит из матрицы (статической / динамической), системы метафорических моделей (в синхронии и в диахронии) и лингвопрогнозного сценария (статического / динамического). Комплексная методика исследования позволяет увидеть когнитивный аппарат политического прогноза, установить особенности восприятия будущего России в политических дискурсах разных стран в исследуемые эпохи, обусловленные лингвокультурными и дискурсивными факторами, а также выявить универсальные черты в репрезентации будущего России, типичные для дискурсов разных стран и разных эпох.

Метамоделью первого уровня анализа является лингвополитическая матрица, которая представляет собой концептуальную структуру, репрезентирующую статические и динамические знания, включающую несколько самостоятельных концептуальных областей (иерархически не связанных между собой), не различающихся по значимости и дополняющих друг друга до единого целого, которые, в свою очередь, могут являться родовыми доменами для иных концептуальных областей, обладающих теми же характеристиками. По мнению ряда исследователей, матричный анализ позволяет «проникнуть в формы мыслительных структур и описать существующие между ними и языком зависимости» [Болдырев, 2000, с. 12; Болдырев, Куликов, 2006; Evans, 2005, p. 69; Langacker, 1991, p. 4]. Матрица сводит воедино знания о разных аспектах будущего и потенциально может включать любое число концептуальных областей. Тем не менее сообразно цели исследования, а

также в соответствии с данными, полученными в ходе анализа корпуса текстов, в качестве родовых доменов концептуальной метамодели выступают «внутренняя политика» и «внешняя политика», каждый родовой домен разбит на подмножества. Основной функцией метамодели признается ее использование для составления частных матриц – статических и динамических.

Матрица нарабатывается механизмом дискурса, в роли которого выступают метафоры. Благодаря когнитивным метафорическим формулам матрица будущего, ее фрагменты (концептуальные домены, их видовые составляющие) получают вербальное отображение, превращаясь в многоцветные, объемные образы, изменяющиеся во времени. Применительно к метафорам, составляющим образ будущего России каждого из проанализированных хронологических срезов, можно выделить комплекс устойчивых и воспроизводящихся в каждом из политических дискурсов метафорических моделей.

Анализ лингвопрогнозных сценариев представляет собой исследование основных тенденций, обусловленных дискурсивными факторами настоящего, представленными в статических матрицах выбранного хронологического среза каждого дискурса, их развитие и преломление в используемых метафорах, обусловленных спецификой моделирования будущего как темпорального отрезка и его восприятия в рамках той или иной лингвокультуры. Каркас лингвопрогнозного сценария представляют разделы «Участники», «Темпорально-локальная ось», «Последствия».

В настоящей статье представлен анализ подразделов лингвопрогнозных сценариев «Пространственная локализация», проведенный на материале американского и британского политических дискурсов ретроспективного хронологического среза (1855–1881)¹. В рамках рассматриваемого подраздела сценария будущее

¹ Материал исследования получен путем сплошной и репрезентативной выборки и составил 3000 контекстов в каждом из анализируемых дискурсов. Источниковая база представлена прессой за период с 1855 по 1881 г. В ходе работы использованы печатные и оцифрованные издания. Контексты из американских изданий приведены в тексте с пометой US; контексты из британских изданий приведены в тексте с пометой GB. В контекстах, приводимых в работе для иллюстрации тех или иных положений, сохранена орфография, пунктуация и шрифтовые выделения оригинальных текстов американского и британского политических дискурсов XIX в.

России получает географическую интерпретацию, представляя собой схему восприятия и интерпретации пространства, которое будет принадлежать России, конструирование и «картирование» альтернативных репрезентаций территории страны в политических дискурсах США и Великобритании ретроспективного среза. Ретроспективные сценарии позволяют взглянуть сквозь текст на часть прошлой реальности, которая лежит за этим текстом и на модель будущего, конструируемую им, что говорит о необходимости изучения «не только того, откуда идет история, но и куда она направляется» [Ключевский, 1989, с. 133], или могла бы направляться.

Ментальная репрезентация воображаемой территории, переструктуризация географического пространства является первым шагом к перестроению данного пространства в действительности, поскольку от формирования, развития, структурирования, продвижения виртуальных географических образов территории того или иного государства, существующих в политическом дискурсе, «непосредственно зависят политика, экономика, социальные отношения, культурные репрезентации страны» [Замятин, 2006]. Весьма значимо, что обе лингвокультуры функционируют на основе единого языка. Это позволяет продемонстрировать наднациональную природу политического дискурса и вторичность структурно-языкового компонента для дискурсивного исследования.

В англоязычных ретроспективных сценариях меняющийся геополитический ландшафт России часто становится ядром прогностических рассуждений о ее будущем, о будущем Европы и всего мира: *In the next quarter of a century, we believe that Russia will reconstruct the map of the Eastern hemisphere/* Geneva Courier, 18.04.1877 (US). *Russia remains essentially an aggressive power imbued with a thirst for conquest; she is constantly bent on expansion /* The Standard, 14.04.1880 (GB). Воображаемая география Российской империи является условием существования и прогресса имперской державы. Ответ на вопрос о геополитических очертаниях Российской империи в будущем очевиден: ее пространственное расширение существенно изменит географию мира в целом. С одной стороны, имперские амбиции и экспансионистская политика считаются благотворным для государства фактором, движущей силой, обеспечивающей движение страны по прогрессивному пути развития. С другой стороны, частотные повторы и варьирование

лексем со значением «агрессия» являются неотъемлемой составляющей в структурировании воображаемого пространства, занимаемого страной в будущем. Действия Российской империи, ее территориальные претензии явно, определенно и недвусмысленно характеризуются как враждебные и деструктивные в отношении иных государств, ассоциируются с агрессией, разрушением, свойственным войне и конфронтации.

Две страны, дискурсы которых подлежат анализу в настоящей статье, являются примерами долговременной и планомерной стратегии экспансии. В XIX в. Великобритания является одним из наиболее влиятельных государств мира во множестве политических и экономических вопросов, чья военно-морская мощь, эффективная эксплуатация колоний, дипломатический опыт позволяют ей играть роль лидера на мировой политической арене [Орлов, 2009]. Великобритания, колониальная империя, контролирующая территории по всему миру и стремящаяся к расширению собственных владений, будучи основным противником России, опасается за собственные существующие и вероятные в будущем сферы влияния: *That Russia is our enemy in Asia is becoming every day more apparent. Russia hopes to incommode us, if not oust us, in the future/ Pall Mall Gazette, 19.06.1877 (GB)*. В британском сценарии осмысление экспансионистских устремлений Российской империи настоящего и перспективное видение ее вероятных территориальных приобретений обусловлено тенденциями прошлого: внешняя политика Российской империи имеет глубокие корни, оставаясь неизменной с течением столетий: *We see the Government carrying out with unflinching firmness its designs abroad – designs of Empire and conquest which have been cherished since the days of Catherine and Peter the Great, and which for two centuries no opportunity has been lost of carrying into effect / Essex Standard, 10.01.1880 (GB)*. Будущее, как и прошлое, встроено в контекст настоящей действительности: настоящее является тем измерением времени, которое потенциально используется как для «припоминания» прошлого, так и для предвосхищения будущего.

Америка, магистральной линией развития которой с первых дней ее существования является экспансия в континентальной и колониальной формах (от первого территориального приобретения независимых Соединенных Штатов – покупки штата Луизианы у Франции (1803) до фиксации основного массива американ-

ской территории в результате покупки территории у Мексики (1853)) [Миньяр-Белоручев, 2009], считает территориальное расширение государства столбовой дорогой к мировому господству: *If Russia and America were once closely allied, they must divide Europe and America between them and rule the world* / Sacramento Daily Union, 20.10.1863 (US). Америка отчасти видит в Российской империи себя, свои собственные амбициозные устремления, цель которых – доминировать на международной арене: *The ultimate hope of the Russian is to rule the East, and Soto make his nation might yin Europe also* / The Daily Journal, 22.04.1867 (US). Исторически и географически Россия обладает рядом параметров великой державы: значительная по масштабам территория, большая численность населения, самобытность и самодостаточность культуры, однако достигнуть статуса сверхдержавы без экспансии невозможно.

Анализ эмпирического материала показывает, что в англоязычных дискурсах Россия будущего получает довольно четкую географическую локализацию, реализованную различными способами метафорического и неметафорического представления в интерпретации пространства будущей территории России. В процессе конструирования образов настоящей и будущей реальностей России, особенно в антагонистическом аспекте, характерном для лингвопрогнозного британского сценария, активируется механизм, называемый «mirror-imaging» [Bronfenbrenner, 1961, p. 45], «зеркальное отображение», который заключается в подсознательном проецировании на предполагаемого или действительного противника негативных стереотипов, чаще всего описывающих собственные черты.

Ориентированность Российской империи на преобразование вширь вербализуется метафорами «территориальная прижимистость» в американском дискурсе и «жадность» в британском политическом дискурсе: *Russia is tight-fisted. Whatever Russia gains she holds* / Marysville Daily Appeal, 09.08.1867 (US). *Russia, however greedy of territory and eager to march on the road of Constantinople, does not yet see her way, and, if so, there will be peace* / Belfast News-Letter, 04.11.1876 (GB). Российская империя концептуализируется как жадная держава, которая, заняв территорию, никогда ее не отдаст; высосав одну страну, тут же пробует на вкус другую. Чрезмерное стремление удовлетворить свои экспансионистские желания, присвоить как можно больше территориальных владений,

патологические, непомерные амбиции страны вербализуются в британском лингвопрогножном сценарии посредством метафорических единиц «ненасытная страсть, жажда завоевания, беспредельная жадность» (*insatiable lust, thirst for conquest, illimitable greed, etc. (GB): A large map, showing the boundaries of Bulgaria, Servia, and Turkey in general, as proposed to be "rectified" by the Russians, is worth a score of speeches, as showing the "ulterior motives" and illimitable greed of the Muscovite / Sheffield Daily Telegraph, 29.03.1878 (GB)*). По мнению авторов британских прогнозических текстов, для России обладание новыми территориями становится самоцелью, держава увлечена процессом территориального накопления и расширения, используя все возможные методы для удовлетворения жажды наживы: *The passion of Russia is to acquire, not to improve, territories. As the miser amasses gold to hide it in his chest or conceal it in the earth that he may gloat over the useless hoard, so Russia seizes provinces and kingdoms to entomb them in her despotic sepulcher, unprofitable to herself and unavailable to others / Morning Post, 26.11.1861 (GB)*. Негативное восприятие Великобританией экстенсивных схем освоения территорий Российской империей эксплицирует образ «скряги, сквалыги, скопидома» (*miser*), жадно хватающего золото, прячущего его за пазуху либо глубоко зарывающего клад подальше от людских глаз, чтобы в редкие минуты одиночества полюбоваться на свое бесполезное сокровище. Великобритания, представляя собой типичную колониальную империю, видит в колониях в первую очередь источник дохода для метрополии, тогда как Российская империя, распространяясь вширь, поглощает территории, недоступные более для других и бесполезные для нее самой, делая их частью своей страны, погребая их в своей деспотичной гробнице.

В американском разделе «Пространственная локализация» метафора «прижимистость» актуализирует позитивно нагруженные компоненты «бережливости», «сохранности» собственности: *Russia is extensive but inexpensive. It is not the custom of Russia to retreat from an advance, and what she has gained she hardly ever relinquishes / Sacramento Daily Union, 22.12.1866 (US)*. Прижимистость, нерасточительность, как метафорические черты характера Российской империи репрезентируют расчетливое, продуманное, экономное и бережливое отношение страны к территориальным ресурсам.

При моделировании экспансионистских действий страны в настоящем и в будущем в двух дискурсах наиболее частотны лексические единицы to absorb (поглощать, всасывать), to swallow (поглощать, проглатывать): *Russia is the progressive, ambitious and absorbing power of the East. In any event we shall see the aggrandizement of Russian influence in the East* / Springfield Republican, 23.12.1876 (US). *Russia would absorb Slavonic States, and States not Slavonic* / Manchester Courier, and Lancashire General Advertiser, 07.06.1877 (GB). *Our friend and ally, Russia, is fast swallowing the greater portion of the Asiatic Continent* / Sacramento Daily Union, 21.11.1877 (US). *The Allied Powers must see how they can best pay off the enemy in his own coin by leaguuing against him all who have an interest in the defeat of that gigantic tyranny which threatens to swallow all Europe in its insatiable lust of territorial acquisition* / Belfast News Letter, 08.08.1856 (GB). В англоязычных дискурсах рассматриваемые единицы сохраняют общий компонент «вбирать в себя, проглатывать с жадностью, быстро или в большом количестве», что позволяет смоделировать широкомасштабную экспансию Российской империи, скорость достижения поставленных результатов, включение присоединенных в настоящем и в будущем территорий и проживающих на них народов в зону ассимиляционного воздействия России. Однако рассматриваемые единицы получают полярную коннотативную нагрузку, определяемую как собственно лингвистическим контекстом, так и экстралингвистическими факторами. К дискурсивным факторам, задающим негативный вектор оценки в британском лингвопрогнозном сценарии, относятся глобальное противостояние России и Великобритании в Средней Азии, на Востоке, на Тихом океане, военные столкновения, в которых страны выступали либо как соперницы, либо как союзницы враждующих государств, противопоставление характера российской экспансии британской и оправдание последней. На контекстуальном уровне общий негативный оценочный вектор территориального расширения Российской империи поддерживается единицами с негативной коннотативной нагрузкой: отплатить врагу его же монетой, объединяться против, быть заинтересованным в поражении, гигантская тирания, угрожать, неутолимая жажда территориальных приобретений.

В американском разделе лингвопрогнозного сценария поглощение Российской империей иных территорий оценивается по-

ложительно, воспринимается как историческая данность, как проявление общемировой экспансии, намечается выход на новые исторические рубежи экспансии. Экстралингвистическими факторами, влияющими на формирование позитивной оценки территориального расширения Российской империи, являются активная экспансия самих США, длительный период союзнических отношений России и США, интенсивность русско-американских контактов в рассматриваемый исторический период. Лингвистическими средствами позитивной оценки экспансионистских устремлений России является включение в единый ряд следующих характеристик Российской империи, воспринимаемых как контекстуальные синонимы – «прогрессивная, амбициозная, всепоглощающая» (*progressive, ambitious and absorbing*), предвосхищение новых перспектив экспансии (*we shall see the aggrandizement of Russian influence*), прямые номинации «друг», «союзник» (*our friend and ally*), транслирующие идею единообразного видения внешнеполитических устремлений государства.

Несмотря на то что в каждом из англоязычных дискурсов пространственные фрагменты модели будущего отличаются различной степенью выраженности, способами интерпретации, а также репертуаром лингвистических средств экспликации, общая экспрессивно-оценочная окрашенность остается неизменной (негативной в британском дискурсе, позитивной – в американском). Заданная тональность диктует выбор метафорических моделей, развитие негативных / позитивных сценариев в рамках одной метафорической модели, выбор иных лингвистических средств (видо-временных форм глаголов, модальных глаголов, обстоятельственных-лексических маркеров и др.).

Связующим, конституирующим элементом содержательно-смыслового пространства прогноза выступает метафора: она реализует функцию воздействия на «имплицированного адресата» [Демьянков, 2003], управляя его вниманием и стимулируя инвокацию в дискурсивное пространство прогноза.

Общей для двух дискурсов является физиологическая метафора, в рамках которой наиболее востребованными в моделировании «Пространственной локализации» России будущего оказываются единицы слота «Верхние конечности» (arm, hand): *Russia is constantly spreading out her arms and her conquests toward the British Indian possessions, and some day they must be divided only by a*

*boundary line/ Daily Alta California, 02.11.1872 (US). Each advance leaves the Russian outposts nearer to India, and at last, in the recent movement in Europe on the eastern Question, Russia could stretch her hand across the narrow piece of intervening territory, and begin to irritate England on the extreme flank of her possessions / The Ipswich Journal, and Suffolk, Norfolk, and Cambridge shire Advertiser, 10.01.1880 (GB). Российская империя «кладет, простирает руки, протягивает руки вперед, держится руками, опирается на них», стремясь захватить как можно больше территориального пространства и занять его собой. Активность метафорических единиц субсферы-донора «Руки» в рамках рассматриваемого раздела лингвопрогнозного сценария обусловлена спецификой его наполнения (территориальная география России будущего), дискурсивными факторами (активная экспансия Российской империи), функциями верхних конечностей, среди которых на первый план в моделировании воображаемой географии Российской империи выступают хватательная и опорная функции. Высокую активность проявляет метафора *hand* (рука, кисть), часть верхней конечности, соединяющая в себе силу и многостороннюю подвижность: With one hand she (Russia) reaches the ramparts of Constantinople; with the other, she leans upon the provinces of the Celestial Empire / Orleans Independent Standard, 11.01.1856 (US). Does she not already stretch forth her hand towards the British possessions in India, where she seeks to foment troubles? / Hereford Times, 25.02.1856 (GB). Частотное использование рассматриваемой метафорической единицы указывает на исключительную способность России выполнять многочисленные и разнообразные «сложные движения» в реализации внешнеполитической экспансии.*

Напор и активность внешнеполитической деятельности Российской империи актуализируют единицы источниковой сферы «животный мир» в двух дискурсах. Активность метафорических единиц сферы-источника «животный мир» в концептуализации будущего России связана, во-первых, с традицией зооморфной метафоризации стран, берущей начало из библейских текстов. Во-вторых, употребление зооморфизмов отличает насыщенность негативными прагматическими смыслами «чуждости», направленными на формирование негативного образа политического противника и его вероятного будущего. В рамках зооморфной метафоризации в американском лингвопрогнозном сценарии востребованной яв-

ляется «медвежья» метафора: *Just so soon as the great Northern Bear gets wind of this irritation on the part of his neighbor, he will simply turn over, give one considerable growl, make a sudden clutch and after that, all be at peace. The fact of the matter is, if Alexander wants Roumania and Servia sliced from the breast of the Turkey, his carving knife is ready for the work, and no other in Europe can stop him / The Benton Record, 10.11.1876 (US). Both Turkey and China will one day become the Bear's prey; and, far richer and of wider extent than the old Roman Empire, Russia will spread over the two hemispheres; from the Caucasus to the Rhine, from Finland to India / Orleans Independent Standard, 11.01.1856 (US).* Образ северного медведя, одного из самых крупных хищников планеты, позволяет вербализовать представление о масштабности, активности и силе Российской империи. В отличие от американского дискурса последующих столетий, где медвежья метафора имеет яркую негативную окраску (грубая сила, неотесанность, варварство, лень), в данном сегменте фрагментации на первый план при характеристике России-медведя выступают положительные качества: подвижность, энергичность, выносливость, способность развивать большую скорость, проходить большие расстояния в поисках пищи. Подобный вектор концептуализации напрямую соотносится с наполнением раздела «Пространственная локализация», с характером российской экспансии в рассматриваемый исторический период, с отношением Соединенных Штатов к Российской империи, являющейся для Америки своего рода меркой, с которой последняя сравнивает собственное развитие. Медведь олицетворяет как само государство, так и его правителя, «искусно отрезающего разделочным ножом куски от тел своей добычи». Авторы американских аналитических статей прогнозируют дальнейшее территориальное расширение Российской империи, акцентируя его позитивный результат: России суждено стать крупнее и богаче Римской империи, занимая территорию от Кавказа до Рейна, от Финляндии до Индии.

Интересно, что в британском разделе лингвопрогнозного сценария доминантным в рамках зооморфной метафорики становится другой образ: *All the out lying possessions of the Chinese, Russia has already seized, or is about to seize. Ere long her wolfish clutch will be on China itself, Japan she would on the instant grasp, if she dared; but her most covetous and pertinacious glance is thrown towards British India. Now, Russia does not need or care for decent*

pretexts when she wishes to steal / Kendal Mercury, 12.02.1861 (GB). Russians, Cossacks, Tartars, Circassians, Kirghese, Bashkirs, Calmucks, and a host of other hordes – all good fighting men of their kind. They have nothing to lose. The clime they inhabit is one of the bleakest, coldest, most barren, most accursed climes in the universe – fit for wolve salone – made for them, in fact. Who could stop them? How is it that the politicians seem to have forgotten that the Russian wolves are how ling at the frontiers? / Sheffield Daily Telegraph, 26.09.1876 (GB). «Волчья» метафора заряжена явно выраженным негативным прагматическим потенциалом. Россия представляется хищницей – волчицей с жадным голодным взглядом и мертвой хваткой. Хорошо развитый интеллект, сила, ловкость, быстрота, характерные для этого хищника, позволяют ей вести активный поиск, легко находить добычу и преследовать потенциальную жертву, от самого мелкого до самого крупного зверя. Китай, Япония и Индия – намеченные ею жертвы. Крепкая стая русских волков, армия Российской империи, представляет собой иерархическую семью, подчиняющуюся единому вожаку. Русские волки воспитаны суровым климатом, неприхотливы, привычны к кочевому образу жизни, выносливы и свирепы, что повышает их шансы в борьбе за новые территории. Границы России все более начинают придвигаться к границам сфер влияния Британской империи, что объясняет частотное употребление единиц с негативными концептуальными векторами в анализируемом разделе британского лингвопрогнозного сценария.

В двух дискурсах рассматриваемого хронологического среза активны также метафорические единицы сфер-источников «путь» и «неживая природа». Востребованность метафор пути вполне оправданна, учитывая линейное восприятие временной последовательности как движения из прошлого через настоящее в будущее, где настоящее государства «знает» и «помнит» о прошлом и открыто будущему, в которое оно устремлено. Регулярная представленность единиц сферы «неживая природа» позволяет моделировать неопределенность грядущего, изменчивость окружающего мира и непредсказуемость будущего, отражая динамичность и стихийность происходящих процессов.

В политическом дискурсе США активны яркие авторские метафоры сфер-доноров неживой природы и пути, акцентирующие идею исторической обусловленности ее территориальной экспан-

сии: *It not only was a natural tendency, but as natural as the descent of the glacier to the valleys, for going down ward by as low but irresistible pressure. Obstacles may retard the progress, but not arrest it; and Russia is but following the course of nature as well as history in pouring down nomad hordes and hardy Scythians on the more cultivated territories lying a more genial climate* / The New York Times, 13.11.1873 (US). Пространственная реальность Российской империи будущего интерпретируется в метафорах неживой природы. Наиболее частотной из них является метафора «ледника», медленно и уверенно спускающегося с северных вершин и погребаящего все на своем пути. Метафора неуклонного движения ледника подчеркивает целенаправленность, размах и всеохватность экспансии Российской империи. Препятствия, возникающие на ее пути, могут лишь притормозить прогрессивные преобразования, но не остановить их. Территориальное расширение Российской империи считается естественно-историческим процессом, реализацией ее исторической миссии, определяющей судьбу русского народа в его настоящем, прошлом и будущем.

В британском политическом дискурсе все презентации данного раздела сценария метафоры пути также проявляют особую активность. Наиболее востребованными являются единицы, моделирующие вероятные препятствия, задержки, трудности на пути к намеченной цели: *There are strong reasons why Russia, without abandoning her views of «manifest destiny», should be willing for the present to slacken her advance towards the east and south. The difficulties in her path are serious, and though they must be ultimately overcome, this cannot be suddenly overleaped* / Aberdeen Journal, 26.11.1879 (GB). Крымская война (1853–1856) обозначила пределы территориальной экспансии Российской империи в Европе. После окончания Крымской войны Россия не утратила своего положения великой державы. Однако в силу поражения она потеряла право решающего голоса в международных делах. Поражение страны привело к необходимости переключить центр тяжести внешней политики России на Средний и Дальний Восток, в первую очередь в Среднюю Азию [Ливен, 2007; Халфин, 1960]. Именно восточное направление в рассматриваемый исторический период времени является базой для активной колониальной экспансии России [Кудряшев, 2015]. Включение в состав империи значительных территорий в Средней Азии, продвижение в Закавказье, развитие

экономических связей со странами Востока, которые дают России возможность восстановить военно-политический престиж на мировой арене, не могут не повлиять на осмысление проблем территориальной экспансии Российской империи представителями британской общественной мысли. Великобритания, активно участвующая в разделе мира, является основным антагонистом Российской империи в рассматриваемый исторический период, противоборство двух держав на востоке неизбежно. Отсюда негативная оценка продвижения России на восток, желание смоделировать вероятные трудности и препятствия на ее пути, поставить барьеры, замедлить и ограничить поступательное движение России в данном направлении.

В британском разделе «Пространственная локализация» внешняя экспансия Российской империи репрезентируется гидронимными метафорами: *One of the most cherished traditions of Russia – they call it «a prophecy» – is, that Russia will be possessor of Constantinople before the present century is over! Russia can also boast of a saying – «We are like the sea – we advance. But we are unlike the sea – we never retire!» And so it has been with Russia. All that she has taken, she has kept. And you may be sure she will keep Turkey if she can get it /* Sheffield Daily Telegraph, 26.09.1876 (GB). Интерпретация метафорического образа русского моря двунаправленна. С одной стороны, репрезентация Российской империи посредством гидронимной метафоры «море» актуализирует положительный прагматический потенциал: Россия как море все время находится в движении, обладает колоссальной силой и энергией, ее территориальная экспансия не знает препятствий (*We are like the sea – we advance*). С другой стороны, разливаясь, переступая естественные границы, поглощая сушу, она никогда не возвращается в свои пределы (*But we are unlike the sea – we never retire!*). Имплицитные концептуальные векторы агрессивности, опасности, тревожности заложены в метафорических единицах, заимствованных из военной терминологии, вербализующих приливы и отливы моря to advance (*наступать*), to retire (*отступать*). Русское море уносит самостоятельные исторические жизни иных государств и никогда ничего не возвращает обратно: приобретенные территории становятся его частью.

В метафорическом наполнении британского сценария востребованными являются криминальные образы, моделирующие

будущее Российской империи как заточение ее собственными территориями: *What is that great empire coming to, and what is the end of its long-cherished scheme of conquest? Its boundless territory is to become a prison* / The Times, 30.11.1855 (GB). Метафора «тюрьмы» акцентирует мысль о том, что экстенсивный путь развития Российской империи без качественного освоения завоеванной ею обширной территории приведет к тому, что держава будет заперта в стенах многочисленных внутривнутриполитических проблем. Русские будут побеждены обширными территориями, которыми владеют: они становятся благом и проклятием одновременно. В действительности, как отмечают исследователи, российская колонизация носила экстенсивный характер, представляя «движение вширь без качественного преобразования пространства» [Супоницкая, 2010, с. 109], тем самым замедляя модернизацию страны в настоящем и в будущем. Неотвратимость мрачного будущего, уготованного Российской империи в результате ее территориальной экспансии, поддерживается использованием модального выражения «tobeto» в значении действия, «предначертанного судьбой» (things fated to happen). Использование в прогностическом фрагменте риторического вопроса, не допускающего иной альтернативы и подразумевающего однозначный, единственно верный ответ, также работает на создание картины предрешенного мрачного будущего Российской империи.

В политическом дискурсе Британской империи обширные владения России видятся как причина ее вероятного распада: моделируется вероятность распада Российской империи на несколько самостоятельных славянских государств либо трансформация державы в Соединенные Славянские Штаты по аналогии с США: *Either Russia will conquer, or she will be dismembered, or she will be transfused into the United Slavonian States. She can not remain as she is* / Caledonian Mercury, 05.06.1855 (GB). Желание политических кругов Великобритании видеть в Российской империи неспособного противостоять их собственной стране противника, установки на ее ослабление, сомнения в возможности сохранения территориальной целостности страны в случае продолжения экспансии воплощаются в прогностических контекстах, моделирующих вероятную фрагментацию и раздробленность российского государства.

Интересно отметить, что, несмотря на разницу сфер-доноров, нацеленных на моделирование будущего России, причем

его поляризованного представления и разновекторный прагматический потенциал, актуализируемый единицами одной модели в двух дискурсах, большинство прогностических контекстов пронизано концептуальными векторами масштабности, огромности, величия (*колосс, гигант, огромный северный медведь, глыба льда времен ледникового периода и др.*): *And now it is in the way of the onward sweep of the northern Colossus, and the wild Cossacks and the grey-coated Infantry of the Czar will, ere long, win this country for their master, and bring his realm down to the Persian border, which country may next off end, and suffer alike fate. That done, Russia has an outlet to the ocean through the Persian Gulf. Thus, steadily, the great Northern Bear moves on his way, as certain and relentless as fate itself* / Daily Alta California, 02.11.1872 (US). *We are to be gobbled up, it seems, before long, by the great Colossus of the North, who will drive us out of India, ruin our trade in China, make us «eat dirt» in Persia, Turkey, Syria, and at Cabul, annihilate our commerce in the Baltic, and finally, rule a prostrate world upon the ruins of the once famous British Empire* / Freeman's Journal, 02.09.1864 (GB). Положительная оценочность, заложенная в образах, обусловлена сферой-мишенью – геополитическим положением России, территорией, занимаемой Российской империей в настоящем, ее интенсивным расширением, перспективами дальнейшей экспансии, которые являются глубинным основанием значимой роли России в мировой истории: в ее прошлом, настоящем и будущем.

В американском контексте превалирует позитивная оценочность, эксплицируемая также единицами метафорической модели пути (*the great Northern Bear moves on his way*): огромный северный медведь идет избранной им дорогой, уверенный и непреклонный как сама судьба (*ascertain and relent less as fate itself*); выбором видовременной формы глагола (*moves – Present Simple*) в значении факта, истины, подтвержденных историческим развитием государства, его прошлым, настоящей внешнеполитической активностью страны и новыми перспективами. Неизменность, поступательность движения Российской империи по выбранному пути акцентируется обособленным обстоятельством образа действия (*steadily – поступательно, неизменно, устойчиво*).

В британском контексте доминирует негативная оценка масштабности территории, действий и намерений огромного северного колосса (*the great Colossus of the North*). Подчеркнуто пей-

оративный смысл вкладывается в физиологическую метафору *to gobble up* (*есть жадно, быстро; пожирать*), рисуящую образ прожорливой, всеядной России: она не насытится Турцией, Китаем, Персией, Сирией и другими странами, которые попадутся ей на пути. Неотвратимость мрачного для Великобритании финала манифестируется модальным выражением «*tobeto*» в значении действия, «предначертанного судьбой» (*We are to beg obb led up*). Эксплицитные концептуальные векторы опасности и угрозы несут единицы, обозначающие вероятные действия Российской империи в отношении своего контрагента в будущем: *to drive smb out, to ruin, to make smb «eat dirt»* (*вытеснить, разрушить, заставить есть грязь*). Используемые метафорические и неметафорические средства выстраивают образ опасного будущего для Великобритании и для всего мирового сообщества в целом в случае продолжения государственной экспансии Российской империи. Заключительный аккорд в концептуализации мрачного будущего представляет Россию, царствующую в покорном и обессиленном от борьбы с нею мире (*to rule a prostrate world*). С помощью выстраиваемых метафорических образов формируется соответствующее отношение к стране, к итогам и перспективам ее дальнейшего территориального расширения, к ее будущему.

В целом проанализированный раздел является основополагающим в лингвопрогнозных сценариях, составленных для статических матриц ретроспективного среза в американском и британском политических дискурсах. Целостность когнитивного образа «Пространственная локализация» в каждом из лингвопрогнозных сценариев достигается за счет использования метафорических моделей, пронизанных концептуальными векторами масштабности, агрессивности, ненасытности. Благодаря политической метафоре воображаемая география государства обретает материальную форму. Метафоры, задействованные в репрезентации раздела «Пространственная локализация», являются определенным перформативом, предрекая непосредственное воплощение названного действия, они оформляют, визуализируют, армируют и легитимируют субъективные восприятия и представления одного сообщества о развитии другого. Следует подчеркнуть, что, несмотря на междискурсивное сходство инвентаря метафорических и неметафорических средств, задействованных в репрезентации будущего географического пространства Российской империи, для двух дискурсов

характерна разнополярная экспрессивно-оценочная окрашенность: негативная в британском слоте, позитивная – в американском. Формирование модели будущего представлено спектром прогностических рефлексий и обусловлено воздействием множества специфических факторов. Аксиологическая нагруженность будущего России, имплицитно или актуализированно содержащаяся в метафорических образах, всегда сознательна, дискурсивна, инкарнирована в конкретную ситуацию.

Список литературы

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по англ. филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. – 123 с.
- Болдырев Н.Н., Куликов В.Г.* О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Сер. лит-ры и яз. – М., 2006. – Т. 65, № 3. – С. 3–13.
- Демьянов В.З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116–133.
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
- Кудряшев В.Н.* Восточная экспансия Российской империи в оценке русских публицистов второй половины XIX века // Вестник Томского гос. ун-та. История. – Тюмень, 2015. – № 1 (33). – С. 80–85.
- Ключевский В.О.* Специальные курсы: Собр. соч. в 9 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 6. – 457 с.
- Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Европа, 2007. – 688 с. – (Сер. «Империи»).
- Миньяр-Белоручев К.В.* Территориальная экспансия и развитие США в XIX веке // Вестник Челябинского гос. ун-та. История. – Челябинск, 2009. – № 41 (179), Вып. 38. – С. 123–132.
- Орлов А.А.* Проблема нового мирового порядка в отношениях Великобритании и России в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М.: Московский гос. гуманитарный ун-т им. М.А. Шолохова, 2009. – 56 с.
- Супоницкая И.* Россия и США: Сравнение систем. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 302 с.
- Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии, (1857–1868). – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 272 с.
- Bronfenbrenner U.* The mirror image in Soviet-American relations: A social psychologist's report // Journal of social issues. – Hoboken, NJ, 1961. – N 17. – P. 45–56.
- Chudinov A.P., Solopova O.A.* Linguistic political prognostics: Models and scenarios of future // Procedia – social and behavioral sciences. – Amsterdam, 2015. – Vol. 200. – P. 412–417.

- Evans V.* The meaning of time: Polysemy, the lexicon and conceptual structure // *Linguistics*. – L., 2005. – Vol. 5. – P. 33–75.
- Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar: Descriptive application. – Stanford: Stanford univ. press, 1991. – Vol. 2. – 395 p.
- British Newspapers 1710–1963. – Mode of access: <http://search.findmypast.com/search/british-newspapers> (Дата посещения: апрель – декабрь 2014.)
- CDNC: California digital newspaper collection. – Mode of access: <http://cdnc.ucr.edu/cgi-bin/cdnc> (Дата посещения: январь – декабрь 2014).
- Chronicling America: The national endowment for the humanities and the library of Congress. – Mode of access: <http://chroniclingamerica.loc.gov> (Дата посещения: январь – декабрь 2013.)
- NYS historic newspapers. – Mode of access: <http://nyshistoricnewspapers.org> (Дата посещения: январь – декабрь 2013.)
- Paper of record. Building the World's largest searchable archive of historical newspapers. – Mode of access: <https://paperofrecord.hypernet.ca> (Дата посещения: январь 2013 – декабрь 2014.)
- The British newspaper archive. – Mode of access: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (Дата посещения: январь 2013 – декабрь 2015.)